

После кровавого кошмара первых двух дней вид растерзанных тел уже не вызывал прежней оторопи. Так или иначе, каждый приспосабливался к законам этого безумного мира.

Помня вчерашнее предупреждение Тан Чжи, Сюй Син сразу после обнаружения тел опустился к лежащим на полу головам и заглянул им за уши.

— Здесь «А»... — Он обошел вторую голову. Увидев вырезанный на коже багровый символ, он на секунду замешкался: — И тут тоже «А».

— Откуда столько людей с группой «А»? — изумился Ван Кэлэ. — Четыре трупа, и все, блядь, «А»!

Атмосфера мгновенно сгустилась, липкий страх заполз под кожу. В этой игре смерть приходила без предупреждения и логики. Никто не знал, чья очередь следующая. Возможно, его собственная.

Шмыгнув носом, Цинь Цзинцзин с трудом сдержала слезы и тихо спросила:

— Шуйсин, ты ведь сидела впереди. Неужели ничего не видела?

Все обернулись к девушке. Из-за вчерашней раны ее шея была повязана белым платком, сквозь который проступало бурое пятнышко крови.

Бледная как полотно Шуйсин покачала головой:

— Я просто отдыхала. Назад не оборачивалась, а от скуки и вовсе уснула.

Остальные с пониманием закивали.

В этот момент тяжелые двери старого актового зала с грохотом распахнулись. В проеме, залитом мягким солнечным светом, появилась улыбающаяся учительница Сяюй.

Ван Кэлэ поспешил затеряться в толпе и буркнул себе под нос:

— О, похоронная команда прибыла.

Учительница Сяюй остановилась перед ними и, окинув класс приветливым взглядом, ласково спросила:

— А где же еще четверо?

Выжившие растерянно переглянулись. Если бы не этот вопрос, никто бы и не заметил отсутствия остальных.

— Бо Е и Тан Чжи пропали, — робко подала голос Цинь Цзинцзин, озираясь по сторонам. — Учителя Гу тоже нет. И того... безымянного парня.

Лицо учительницы Сяюй застыло, превратившись в безжизненную маску, но натянутая улыбка не исчезла:

— А где же еще четверо?

Зал ответил мертвой тишиной.

— Мы здесь!

Из-за кулис донесся торопливый топот, и звонкий мужской голос разом разрушил удушливое оцепенение.

Все обернулись к сцене. Запыхавшийся Гу Мэн спрыгнул на пол и высоко поднял руку:

— Учитель, мы в туалет ходили!

Бо Е тоже поднял ладонь:

— Да, там очередь была огромная, вот и задержались.

—...

Широкая улыбка учительницы Сяюй стала еще более злобещей. Она повернулась к классу и слащаво пропела:

— Спасибо за труды, ребята! Вижу, вы приложили немало усилий, чтобы украсить зал. Завтра продолжим в том же духе!

Затем она перевела взгляд на две лужи крови с останками на полу. Облизнувшись, она уставилась на них с неприкрытой, хищной жадностью.

Вечер в общежитии

На улице сгустились сумерки. В комнате общежития Шуйсин сидела у стола, бережно стирая влажным полотенцем кровь с шеи. Случайно встретившись с собственным отражением в зеркале, она замерла, но тут же испуганно отвела взгляд и поспешно вернулась к обработке раны.

Раздался негромкий стук в дверь.

Вздрагнув, Шуйсин резко обернулась и одним быстрым движением перевернула зеркальце лицом вниз.

— Иду!

Бросив мокрое полотенце на стол, она поспешила открыть.

На пороге стоял Гу Мэн с пластиковым пакетом в руках, а за его спиной маячил Эньцзинь.

Шуйсин мимолетно взглянула на молчаливого спутника учителя. Лицо парня, как всегда, не выражало абсолютно ничего — холодное, застывшее великолепие.

Она перевела взгляд на Гу Мэна:

— Что-то случилось?

Тот приподнял пакет:

— Тан Чжи ходил в медицинский кабинет, просил старого школьного врача проверить группу крови вчерашних бедолаг. Заодно и для тебя мазь прихватил.

— Спасибо, не стоило так утруждаться, — улыбнулась Шуйсин и отступила, пропуская гостей внутрь.

Работа в детском саду приучила Гу Мэна к бесконечным ссадинам и ушибам, так что с перевязкой он справился мастерски: бережно очистил рану, нанес мазь и аккуратно забинтовал шею.

Они сидели друг напротив друга. Шуйсин искоса поглядывала на высокого мужчину, стоявшего чуть поодаль, и наконец негромко спросила:

— Учитель Гу, он что, твой телохранитель? Почему он ходит за тобой по пятам?

— Вовсе нет, — отозвался Гу Мэн, не прерывая работы. — Мы просто делим одну комнату.

— А как его зовут?

— Эньцзинь.

— А я думала, у него и имени-то нет... — Шуйсин задумчиво прищурилась и добавила тише: — Тебе не кажется он странным? Темная лошадка... Тебе самому не жутко рядом с ним?

Объяснять посторонним, что у парня просто не все дома, Гу Мэн не собирался, поэтому лишь отмахнулся с дежурной улыбкой:

— Не придумывай глупостей. Должно же быть между людьми хоть какое-то доверие.

Шуйсин лишь скептически скривила губы.

«И с чего ты взял, что он вообще человек?»

Чтобы наложить повязку, Шуйсин пришлось расстегнуть верхние пуговицы рубашки. Закрепляя узел бинта, Гу Мэн случайно мазнул взглядом по ее коже чуть выше ключицы.

На нежной девичьей коже выделялись несколько темных округлых шрамов. Они походили на старые ожоги от сигарет. Обычно высокий воротник наглухо застегнутой блузки скрывал их от чужих глаз, но сейчас, вполоборота, отметины были видны слишком отчетливо.

Не сдержавшись, Гу Мэн коснулся собственного плеча, указывая на шрамы:

— Откуда это?

Шуйсин спохватилась и поспешно застегнула пуговицы.

— В жизни всякое случается, — равнодушно хмыкнула она. — Кому из нас не попадались ублюдки?

Гу Мэн промолчал.

Глядя на эту девятнадцатилетнюю девчонку, он вдруг почувствовал непреодолимое желание почтительно протянуть ей сигарету, как признанному авторитету.

Комната Гу Мэна

Вернувшись в свою комнату, Гу Мэн присел на край письменного стола Чуньцзы и принялся лениво перебирать разложенные вещи в надежде наткнуться на дневник или какие-то записи.

На рабочем месте царил образцовый порядок. Прямо над столом висела небольшая квадратная рамка. Под стеклом красовался плотный лист бумаги, испещренный разноцветными фломастерами. Поздравления были написаны самыми разными почерками, набегая друг на друга.

Заинтересовавшись, Гу Мэн соскользнул со стола и, засунув руки в карманы, склонился над рамкой, вчитываясь в яркие строчки:

«Самой красивой Чуньцзы на свете — с днем рождения! ~»

«Будем лучшими подругами навеки!»

«Класс 2-А. Первая в школе!»

«Моя богиня, с праздником! После выпуска обязательно дай мне шанс!»

«Нашему дорогому старосте — цвести и пахнуть! Пусть сбудутся все мечты!»

Простые, искренние слова дышали теплом школьной дружбы.

Гу Мэн предположил, что этот коллаж одноклассники подарили Чуньцзы на прошлый день рождения.

Судя по всему, девочку любили. Если бы этот ублюдок-учитель не столкнул ее с крыши, ее ждала бы счастливая юность.

Шорох переворачиваемых страниц отвлек его от размышлений. Гу Мэн выпрямился и обернулся. Эньцин, устроившись за соседним столом, сосредоточенно листал толстенный толковый словарь.

— Эньцин, и как книга? Увлекательно?

Тот даже не поднял головы:

— Да. Здесь много новых слов.

Судя по тому, что парень пролистывал по странице в секунду, Гу Мэн сильно сомневался в эффективности такого обучения, но разочаровывать усердного ученика не стал.

Уже ложась в постель, он, точно заботливый отец, похлопал «сына» по плечу:

— Не засиживайся допоздна. Ложись спать.

Ночью сквозь зыбкую пелену сна до Гу Мэна донесся едва различимый шорох. Будто кто-то медленно, волокно за волокном, разрывал плотный лист бумаги. Звук был настолько отчетливым, что воображение само рисовало, как по рваному краю расходятся мелкие бумажные крошки.

Кое-как разлепив веки, он сощурился от мягкого лунного света, заливавшего спальню. На соседней кровати безмятежно спал Эньцзинь.

«Слава богу, все в порядке...»

Он протянул руку, ласково поворошил волосы друга, коснулся его щеки и снова провалился в глубокий сон.

Утро третьего дня

Утром третьего дня, когда большинство выживших еще спали, тишину коридора разорвал истошный женский визг.

Одна за другой со скрипом начали распахиваться двери комнат.

Чжан Гоцян, сладко зевнув, раздраженно рявкнул на весь коридор:

— Какого хера орать? Восьми утра еще нет!

Выглянувший из соседней комнаты Сюй Син торопливо протер очки в темной оправе о край футболки и, водрузив их на нос, встревоженно спросил:

— Из какой палаты кричали? Снова что-то случилось?

Гу Мэн и Тан Чжи тоже вышли в коридор. Люди растерянно переглядывались, силясь понять, откуда исходила угроза.

Визг повторился. В ту же секунду дверь напротив распахнулась, и из нее, спотыкаясь, выбежала растрепанная, насмерть перепуганная девушка.

Юй Мэнмэн застыла посреди коридора. Лицо ее сделалось белее мела, а саму ее колотила крупная дрожь.

— Мертва... она мертва...

У Гу Мэна мгновенно упало сердце — в памяти отчетливо всплыл ночной шорох рвущейся бумаги.

Первой жертвой этого утра стала Чжан Цинфан. Окровавленное тело все еще лежало на кровати. Одеяло и простыни насквозь пропитались кровью, которая уже успела залиться на соседнюю постель.

Собственно, именно от этого ощущения липкого холода под боком Юй Мэнмэн и проснулась.

Откинув одеяло и увидев багровую лужу у себя в ногах, она оцепенела. Но стоило ей перевести взгляд на соседнюю койку, как рассудок едва не помутился: сквозь тонкую ткань проступили жуткие контуры обезглавленного тела. Сама же голова Чжан Цинфан сиротливо валялась на полу у ножки кровати.

От этого зрелища у несчастной едва не остановилось сердце.

— Я ничего не знаю... Клянусь, ничего! — Юй Мэнмэн сидела за письменным столом, судорожно сжимая стакан с горячей водой. Но даже кипятком не мог унять дрожь, сотрясавшую ее тело. — Я спала как убитая. Но сквозь сон... сквозь сон я слышала этот жуткий звук. Словно рвали бумагу. Я думала, это кошмар... А она действительно приходила сюда.

Все молча толпились в тесной комнате. Тяжелое утреннее безмолвие давило на плечи.

А за распахнутой дверью, в залитом солнцем коридоре, звенели голоса обычных школьников. Смеясь и переговариваясь, они спешили на занятия, совершенно не замечая творящегося в комнате кошмара. Для них этого ужаса просто не существовало.

— Уже пятая смерть. Слишком быстро, — Сюй Син помрачнел, потирая переносицу. — Нас осталось одиннадцать. Если мы не найдем зацепку в ближайшее время, здесь полягут все.

— У этой тоже группа «А», — Шуйсин опустилась на корточки перед лежащей на полу головой и тяжело вздохнула. — Кроме этих чертовых букв за ушами, у нас ровным счетом ничего нет.

Юй Мэнмэн невидящим взглядом уставилась на стакан в своих руках. Ее глаза покраснели от слез.

— Надо покончить с этим... Прекратить эту проклятую игру. Я ничего плохого не делала, и

Чжан Цинфан тоже! Мы обычные, ни в чем не повинные игроки! А этот призрак учителя... его пособник точно... точно среди нас!

Она резко вскинула голову и ткнула дрожащим пальцем в сторону высокого мужчины, стоявшего у самого выхода:

— Это он! Тот ненормальный, у которого даже имени нет!

Все как один обернулись.

Под прицелом десятка настороженных взглядов Эньцзинь остался абсолютно невозмутим. Его пугающая, запредельная холодность в этот момент казалась верхом цинизма.

Гу Мэн нахмурился и решительно шагнул вперед, пресекая истерику:

— Прекрати нести чушь без единого доказательства. У него есть имя, его зовут Эньцзинь. А теперь давайте лучше хладнокровно сопоставим все случаи...

Договорить ему не дали. С тихим звоном стакан выскользнул из ослабевших пальцев Юй Мэнмэн и разлетелся вдребезги на каменном полу.

Вскочив со стула, она закричала:

— Это точно он! Вы посмотрите на него! Каждый раз, когда кто-то погибает, ему плевать! Живой человек не может быть настолько бездушным роботом! Мне все равно, я требую проголосовать против него прямо сегодня!

Она обернулась к остальным, ее лицо исказилось от отчаяния и слез:

— Пожалуйста, послушайте меня! Это точно он! Если мы проголосуем против него, кошмар закончится, и мы вернемся домой! Ну же, соглашайтесь! Пожалуйста!

Лицо Гу Мэна потемнело. Он крепко схватил Эньцзиня за руку и бесцеремонно задвинул себе за спину, закрывая от разъяренной толпы:

— Твои домыслы гроша ломаного не стоят. Не смей устраивать здесь охоту на ведьм, пока у тебя нет веских улик. Кто дал тебе право распоряжаться чужой жизнью? Слова имеют вес, и за ложные обвинения рано или поздно придется платить. Если попытаешься подставить его, обещаю: следующим, кто вылетит из этой игры, будешь ты сама.

Юй Мэнмэн то бледнела, то краснела от злости. Ее взгляд, устремленный на Эньцзиня,

наполнился ядовитой злобой.

Она уже открыла рот, чтобы выдать очередную гневную тираду, как вдруг из глубины толпы поднялась рука:

— Я согласен. Давайте проголосуем.

У Гу Мэна внутри все похолодело. Он обернулся к говорившему. Им оказался Чэнь Лянчжи — неприметный парень, который обычно вел себя тише воды, ниже травы.

— Меня... меня тоже запишите... — Ван Кэлэ боязливо вжал голову в плечи и несмело поднял руку.

С ужасом наблюдая, как выжившие один за другим соглашались с безумным предложением, Гу Мэн прошептал:

— Вы с ума сошли? Вы хоть понимаете, что творите?

Правила были безжалостны: если за кандидатуру проголосует хотя бы половина выживших, они смогут потребовать у проводника заветный список класса и преподнести его Чуньцзы. Стоило разорвать имя виновного — и игра завершится победой. Но если они ошибутся... кошмар продолжится, а невинный заплатит жизнью за их глупость.

Бо Е молча наблюдал за происходящим фарсом, не вмешиваясь. Однако когда вверх медленно поднялась тонкая девичья ладонь, его брови удивленно поползли вверх.

— Я тоже за, — ровным голосом произнесла Шуйсин.

<http://bllate.org/book/19652/1960748>